

Я хожу среди людей как среди обломков будущего, – того будущего, что вижу я.

Ф. Ницше. «Так говорил Заратустра»

Самое большое зло нашей цивилизации

Какое? Ее успехи. Дальнейший прогресс в том же направлении. История как детская игра в классики. Скакали, скакали по клеткам-формациям и вот – «Отдых». Рай. Стоим обеими ногами и не знаем, куда скакать дальше. Не знаем и зачем. Изобретатели-по(ис)треблятели. Заговорили о конце истории. Да, это так и есть. Вместо нее – история техники. Прогресс как технос. Который, подавляя жизнь, несет цель в себе. Под безудержно наращиваемые богатства и средства придумываются цели чуждые действительному благу человека, его жизни как стремлению к внутренней радости (счастью) и духовно-физическому самосовершенствованию. Люди истощаются сначала в их достижении, потом в борьбе с последствиями, когда достигнут. Мы все менее счастливы, все более депрессивны. Кенозис – истощение творца в своих творениях. В построении тотального рая как электронно-цифрового безопасно (благо)устроенного концлагеря. Рай как легкая паразитическая жизнь – ловушка для человечества. Значит, ад. *Райад*. В нем живут виртуальные люди. Без тела, одним сознанием. «Люди». Полу-мертвые. Мы становимся undead = живыми умершими.

Люди – вон из рая. Будьте реальными – мучайтесь.

Путь в компьютер

Главный аргумент, которым прикрываются все не желающие думать, что действительно происходит, обычно тот, что защитники природы и человека – алармисты, они все преувеличивают и пугают. У них «эмоции». Поэтому «пугание» правдой, целесообразно предварить расписанной по годам оценкой ближайших перспектив прогресса, данной известным футурологом Рэем Курцвелом. Он технический директор Google, значит, не просто фантазирует, а работает над практической реализацией конкретных программ. Это ярчайший образец гениально без(д)умного техницизма, без всяких сомнений принимающего программу The Road to Hell (движения по дороге в ад), к суициду человечества, не желая в этом отдавать отчета. Причем он очень мало, почти не жлет насчет будущего человеческого «бессмертия», которым упорно обманывают себя рядовые технократы и не смотрящие дальше своего носа обыватели, особенно ученые.

Итак, вот как *технический директор* Google расписал будущее мира: выдержки из его прогноза:

2020 – Персональные компьютеры достигнут вычислительной мощности, сравнимой с человеческим мозгом.

2024 – Элементы компьютерного интеллекта станут обязательными в автомобилях. Людям запретят (! – В. К.) садиться за руль автомобиля, не оборудованного компьютерными помощниками.

2039 – Наномашины будут имплантироваться прямо в мозг и осуществлять произвольный (! – В. К.) ввод и вывод сигналов из клеток мозга. Это приведет к виртуальной реальности «полного погружения», которая не потребует никакого дополнительного оборудования.

2040 – Поискковые системы станут основой для гаджетов, которые будут вживляться в человеческий организм. Поиск будет осуществляться не только с помощью языка, но и с помощью мыслей, а результаты поисковых запросов будут выводиться на экран тех же линз или очков.

2043 – Человеческое тело сможет принимать любую форму, благодаря большому количеству нанороботов. Внутренние органы будут заменять кибернетическими устройствами гораздо лучшего качества.

2044 – Небиологический интеллект станет в миллиарды раз более разумным, чем биологический.

2045 – Наступление технологической сингулярности. Земля превратится в один гигантский компьютер.

Таковы прогнозные радости превращения человека и его феноменологического мира в нечто «Иное». Оно будет «в миллиарды раз более разумным». Судя по тому, что этот факт, который для людей должен был бы быть главной тревогой, мало кого заботит, – может, уже стал. Кто в него не верит, осмеивайте думающих и озабоченных, говорите, что у них «пессимизм», «алармизм», «еще не», кто верит и хочет продолжать быть человеком, боритесь с этой перспективой или хотя бы о(б)суждайте подобные идеи. Ведь так близко. Вот он, конец света по-научному. Но ничего, кроме восторгов телевизионно-компьютерной толпы, легкого ёрничания «о возможных опасностях» и призывов скорее заменить «гуманитарными» технологиями все человеческое, в философской антропологии, не говоря об обществе в целом – не слышно.

Путь в космос

20 января 2015 г. Лондон. Известный *физик-теоретик* Стивен Хокинг заявил, что больше всего человечеству угрожают плоды науки и технологии, сообщает Gurdian. «Мы не остановим прогресс или обратим вектор его движения, поэтому должны признать его опасности и контролировать их», – сказал Хокинг.

Так я об этом (же). С принципиальной разницей. Хокинг, признавая угрозу нерегулируемого прогресса техники для человека (в отличие от Курцвейла, не думающего о последствиях и трансгуманистов, культивирующих само/обман), ищет выход в его переносе на другие планеты, в космос, куда бы отправился и человек. А я, как любой человек, чье сознание не сужено до техницизма, говорю, что поскольку мы живые существа, то сохранение земной природы является условием продолжения нашего существования. Мертвому, безжизненному космосу, который известен, адекватна безжизненная форма разума. Не ч(т)еловек. В космосе Гагарин не был, никто не был. Люди в нем только «присутствуют». В скафандре из земной среды. А вот нечто другое, в виде в «миллиарды раз более разумных» роботов – будут. Но это – не мы. Я – представитель рода «человек». О ком и о чем должен заботиться?

Все так очевидно. Но поскольку трагично – видеть не хотят. Забалтывают(ся).

* * *

Для существующей технологии содержание человека становится все более дорогим и нерациональным делом. Не говоря уже о том, что он крайне несовершенен как субъект производства – допускает много ошибок, быстро устает, не успевает, не выдерживает, не справляется, является «узким местом», короче говоря, нетехнологичен, из-за чего приходится ставить «защиту от дурака». На самом деле это начинается защита от человека. Перед лицом Hi-Tech-технологий мы все дураки. Человек вообще невыгоден и уже мешает слаженному функционированию общества в целом. Система стремится превратить его в свой элемент, лишив индивидуальных особенностей и свободы (непредсказуемости поведения), преследуя его самость в максимально возможной степени, организуя ее.

Острые удара обычно направляется против эмоционального начала жизни и «фаллоцентризма», так как тут прорываются остатки сопротивления. Глобальное же условие дальнейшего развития цивилизации – **демонтаж человека** как естественного существа, его замена рациональным робототехническим устройством. Это тайна всех пост/транс/модернистских «деконструкций» и «смертей» – субъекта, творца, автора, человека. Содержание так называемой 4-й (четвертой) промышленной революции, о которой начали говорить как о том, зачем надо как можно скорее успеть, но абсолютно не задумываясь, что это будет успехом в саморазвитии производства. Несоразмерного человеку. Когда оно будет не человеко-машинное, а только машинное. Какое-то время люди будут его паразитами. Паразитами техногенного разума. Потом погибнут. Вы(пере)родятся. Жизнь без человека. Постжизнь. Бессмертие как абсолютная смерть. **Технос.** Тогда будут пойманы сигналы и найдены следы других мертвых цивилизаций.

Где живем

В постиндустриальном обществе наука стала постклассической, вступили в постисторию, вера постхристианская, в культуре постмодернизм и т. д.

Поствремя какое-то? Или «конец времен»? Конец истории, как провозгласил известный американский социолог Ф. Фукуяма. Провозгласил, первый, правильно, вообще он заслуживает всяческого уважения за то, что не побоялся назвать трансгуманизм самой страшной идеей нашего времени, чем вызвал в среде роботообразных настоящую ненависть, объявивших его «предателем». Провозгласил, но все-таки недостаточно глубоко, без понимания бытийного смысла происходящего. И так же, не задумываясь, по-попугайски за ним стали все повторять. Или бездоказательно отрицать.

На самом деле это конец собственно (исключительно) человеческого времени, вступление цивилизации в человеко-машинное состояние. Человек существует, действует, однако не как автор, а как агент или фактор («человеческий фактор») Системы. Или Сети. Несоизмеримо более мощной, чем человеческое общество. **Постчеловеческий мир!** И все остальные «пост» вытекают отсюда. История продолжается, но человек перестает быть ее субъектом. А скоро, может быть, и элементом.

То, что называют проблемами технологической революции, – это проблемы современного этапа цивилизации, вопрос о судьбах человечества. Подземный гул кризиса цивилизации великие люди слышали давно (Руссо, Толстой, Торо). Они кричали, но мало кто им внимал. Обычные люди стали его чувствовать, когда начались толчки. Некоторые же счастливы, наверное, так и умрут во сне.

* * *

Поступать в соответствии с **разумными** требованиями современной технической цивилизации – это и значит двигаться к гибели. Ее «разум» – в безудержном, то есть без(д)умном новационизме, то есть в бессмысленном возрастании искусственно придумываемого и навязываемого, в результате чего петля на шее человека затягивается все туже. И затягивает ее он сам – своей деятельностью. Разум-но затягивает. По большому счету, человечеству ничего не угрожает. Кроме самоубийства. А болтовня, например, насчет угрозы астероидов, нужна для отвлечения внимания от этой земной перспективы и, что немало важно, для увеличения финансирования такого рода научно-теоретических игр. Суть современной драмы «техника и человек»: горшок восстал на горшечника. Тварь превзошла творца. И оставляет от него – черепки.

Биотопливо. Жизнь на топливо. Обсуждают условия применения, где-то уже применяют. Чудовищно истощая почву, засевают и обрабатывают машинами поля, выращивают живое (рапс и т. п.), чтобы кормить машины. Вместо людей. Как доить коров, чтобы заливать молоко в тракторные баки. На нем пахать землю, чтобы выращивать коров. А что – литр молока (Х руб. – из бочки) теперь дешевле литра бензина (У руб. – на ближайшей заправке). И у кого-то поворачивается язык называть эту цивилизацию разумной? «Ноосферой»? Перепили(сь) бензина, что ли.

Технологизация жизни приобрела столь чудовищный характер, что от продуктов отделился даже вкус. Пища дистиллированная, пресная – как американский хлеб, а носитель вкуса – разные соусы и химические добавки, с помощью которых какой-то вкус ей как-то возвращают. И извращают. Стали жаловаться на «дисбактериоз», который стал массовым. Особенно у детей. Потом диагноз уточнили: дисбиоз. То есть отсутствие в желудке (пока в желудке, животе) – жизни (био, с греч. жизнь = живот). Объясняют избытком применения лекарств и искусственных добавок. Но выход видят в том, чтобы давать другие искусственные добавки и лекарства. Обеспечивающие «пребиоз». Вместо призыва не травить себя добавками и лекарствами, в основном симптоматическими, фактически призывают устроить в желудке соревнование двух футбольных команд «дис» и «пре». «Пре», мол, победит, оно современное, на базе нанотехнологий и быстрее «бегает» (проникает и нейтрализует), уверяет какое-то научно-исследовательское светило. Темнило. (Читатель, почему я об этом должен говорить один, оценивайте эту мудрость сами).

* * *

Изощраемся в количестве сортов и оттенков продукта, а скоро кислое от сладкого отличать не будем. Искусственный – иску(с)ный, иску(с)шенный (все попробовал) вкус: всевозможные красители, ароматизаторы, подсластители. И все «яблочнее яблока», «земляничнее земляники». Горько думать, но образовалась какая-то всеобщая аллергическая корпорация «Сладкая жизнь».

Современные тенденции: кофе без кофеина, сигареты без никотина, вино без алкоголя, секс без партнера... человек без души. Вещи без своей сути – только имена вещей. От вещей – к «симулякрам». По-русски – подделкам. Жизнь «как бы». И человек – как **название человека**. Знаковая революция!

Как приспособливаемся

В начале XX века царила общая уверенность, что все проблемы человечества разрешат наука и новая техника. Ее разделяли самые выдающиеся мыслители. В течение века были сделаны миллионы открытий и изобретений, сменилось несколько поколений техники. Но стал ли человек лучше, убавилось ли у него проблем? Угроз ему? Сейчас уверенность в том, что эти проблемы разрешит новая техника, разделяют только выдающиеся идиоты. Но их по-прежнему много, их все больше, и все озабочены «ускорением» развития техники. А вернее, она сама развивается. Самостоятельно. Наконец, волны технического прогресса превратились в девятый вал. Цунами. **Стали высокими (технологиями), то есть пре-вышающими возможности человека. Стали сверх-пост-человеческими.**

А пока: с барского стола, за которым пируют машины и технологии, человеку, их творцу и лакею, переппадают крохи. **Под видом человеческих** выступают потребности производства. Они искусственны для человека и естественны для искусственного мира.

Предлагают применять компьютеры в поэтическом творчестве. Например, для заготовки рифм или «составления полного словаря

русских рифм». Обсуждается это серьезно и с чувством удовлетворения за успехи наукотехники, имея в виду, что с ее помощью «на-гора» можно будет выдавать гораздо больше стихов. Не говоря о том, что компьютер сам «пишет стихи» и что с помощью динамического чтения их можно больше и скорее прочитать. Динамическое чтение. Соблазняют, что любой текст можно прочесть в несколько раз быстрее. Но после овладения основными навыками, скорость чтения определяется, «тормозится» прежде всего, чувствами и образами, которые при этом возникают. Их обилием и яркостью. Потом мыслями, которые приходят в голову. Их глубиной и серьезностью. Это-то все и надо отсекаать, чтобы не задерживаться на тексте.

* * *

Для творческого человека чтение только средство, возбуждающее его чувства и мысли, а цель и смысл – переживание и духовное преобразование мира. При динамическом чтении остается одна голая информация. Более быстрое овладение ею, действительно полезно в некоторых сугубо технических ситуациях. Но их переносят на все. Тогда, может, стоит быстрее прослушивать музыку? С большей скоростью петь? Посещать за один день не одну страну, а две? Видел рекламу: «Вся Италия за 6 часов». Просматривать в кинотеатре за полтора часа не один фильм, а три, в музее за 10 минут не одну картину, а десять?

Вообще, все это не поддается здравому объяснению. Кому, зачем – даже не задумываются. Если истерия потребления приостанавливается, а скорость распада уменьшается, вопят, что «наступил кризис». В страны, где остаются элементы сопротивления разложению, посылают войска интервентов. Чтобы под лозунгами демократии и прав человека навязать им свой прогресс к смерти. Они, видите ли, «верят». У них, видите ли, сохранилась «семья» и культивируется мораль. Они смеют различать «мужское» и «женское», считая, что у них разные роли и продолжают рожать детей, а стариков, вместо того, чтобы отсылать в благоустроенные резервации, почитают. Ну не возмутительно ли! Все как в Библии или Коране. Как не осчастливить их благами свободы сексуального воспитания, порнографии с толерантностью и ювенальной юстицией. Чтобы они тоже – вырождались. Не только духовно, но буквально, демографически. Как «цивилизованные». Это какая-то постигшая человечество шизофрения. Постигшая в целом, как целое. Шизоумие(я). «Новый абсурдный мир» – так можно скорректировать предвидение О. Хаксли.

Сколько переводят название его книги: «Новый прекрасный мир», «Новый дивный мир», «Новый бравый мир» – и все неадекватно. Конечно же, надо сказать: «Новый удивительный мир». И добавить: «Удивительное – рядом». Новационное общество. Его главные ценности, точно такие же, как были у Хаксли («общность, одинаковость, стабильность»). То есть это и есть глобализм, его цели и идеалы, кроме, пожалуй, стабильности. Или «стабильность хаоса» перехода к нему. Но подобному совпадению почему-то не удивляются. Если рядом – никогда не удивляются. Вот моя любимая, которую я готов всегда повторять, самая трагичная и горькая мысль о сладкой смерти, мысль-эвтаназия: **мы не будем знать, когда нас не будет.** Не знаем.

На пути к постчеловеку

Современная технология на Земле, а тем более в далеком космосе требует как минимум киборга, а не этого водянисто-хрупко-телесного существа, подверженного к тому же эмоциям, волнению и ошибкам, которое сейчас есть и которое называется человеком. Горе побежденным! **Человека никто не разрушает извне. Он самоотрицается в пользу Разума**, который может распространяться универсально, если меняет субстратные оболочки. Материя бесконечна, и, чтобы осваивать ее, Разум тоже должен быть бесконечным, то есть бесконечно изменчивым. Останется ли и на какое время биологический человек наряду с другими носителями Разума? Может быть, у него будет своя «ниша»? Как мы снисходительно относимся к детям, так более высокий искусственный Разум будет терпим к собственному детству – человеческому состоянию? Может, компьютеры нас сохраняют? Хотя вот в Пентагоне, как радостно сообщает пресса, уже создали робота-людоеда. Но пока человек есть, биологическое начало является в нем источником творческих потенций. Оно незаменимо. Любовь и Эрос – топливо Жизни. Биологическое начало глухо бьется во все утолщающейся социально-технической скорлупе.

Человек ко всему привыкает и со всем смиряется. Даже со своей ненужностью. С тем, что он стал «фактором», который везде виноват, «капиталом», который «по определению» есть средство для получения прибыли. Даже с перспективой поглощения нано(р)ботами и превращения в «серую слизь», о чем сначала говорят всерьез, с теоретическими выкладками, а потом «просто так» – о(т)говариваются. Механизм адаптации: **любая патология в конце концов возводится в норму.**

Человек – это бесполезная страсть, говорил Сартр. Теперь наоборот, это бесстрастная полезность. Живет он по интенсивной технологии. Новый, мультипликационный человек. К-липový человек. Постчеловек. Его появление требует расширения терминологии: вещество-существо-тущество; вместо человека – техновеk, а человечество – техновечество. «Все прогрессивное техновечество...» – так будут начинаться передовые статьи и блоги в III тысячелетии. В них будут громить недобитых реакционеров, разных экологов, гуманистов, традиционалистов и прочих живых людей. «Живых» будут обязательно брать в кавычки. Как сейчас уже берут «природу», «естественное» или лишают имени, давая отрицательное определение: *unmade* – неделанное. В постмодернизме «природа» неприличное слово. Ненормативная лексика. Начали доказывать, что искусственное это естественное, а отсюда вытекает, что естественное надо считать искусственным, то есть чем-то необязательным, незакономерным, что касается человека, то он всегда был искусственным, да и вообще: «люди ли мы?»

Растворяют... размещивают... превращают в материал. Не только фактически, но и идейно.. И, наконец, появились сторонники генетического, нейронного и прочего «у-совершенствования» человека – трансгуманисты. *Пятая колонна машинообразных, до сих пор маскировавшаяся под человека, под заботу о нем, вышла на улицы и открыто подняла свои знамена* (следите за литературой, за успехами ка(о)мпании по расчеловечиванию человека и дискредитации гуманизма, их замене «гуманологией», «персоналогией» и вообще – антропофобией). Символический универсум захватывают гуманоиды. **Началась революция мутантов.**

Для современной цивилизации человек, прежде чем станет ненужным совсем, остается нужным на момент, в пик своего развития. Когда он дает высший результат – но поддерживать его долго не может. Начиная со спорта, где имена чемпионов мелькают с калейдоскопической быстротой. Большим спортсменом можно быть только раз, а потом в тираж. В искусстве, науке та же тенденция, старые академики не ученые, они не в счет. Сверхзвуковые летчики уходят на пенсию как балерины. В сложных технологиях человек вообще не способен работать в течение всей жизни. Постепенно он и вовсе не будет способен угнаться за гонкой технологий, которую сам же «ускоряет». И либо будет выбрасываться на обочину, либо должен стать смешанным существом, «кентавром», сначала духовно, а потом и телесно. Его будут пытаться «развивать», «улучшать». Human Enhancement (усовершенствование человека) – таков теперь идеал прогрессивного человечества. До какого состояния, где, на какой модели останутся? Бессмыслица какая-то. Нет, это не бессмыслица, а переход цивилизации в фазис умирания. Через безумие, если оценивать это с точки зрения естественного и жизни. А если с точки зрения будущих «информационных ландшафтов», о чем мечтают те, чье сознание уже перезагружено в пользу иного, то вполне разумно. Что безумно для жизни, то разумно для техники. Безумие = Разум. В футурологии и фантастике об этом целая ветвь: о гибели цивилизаций в процессе развития. Прогрессоры все читали, но глут себе и людям, что будет им благо. **Безнадежное соревнование с техноэволюцией.**

Земля, Цивилизация, начало Третьего тысячелетия от Р. Х. **Крик о небытии.** Отчаянный – тех, кто понимает, восторженный – тех, кто вычисляет. И мы -(ол)чание ягнят.

Как среди обезьян в свое время появились человекообразные, так среди людей сейчас уже есть роботообразные. Роботы становятся как люди (искусственный интеллект), а люди как роботы (бесчувственное тело) – процесс снятия человека идет с двух сторон. «Снятый человек» – снятое молоко, обездушено, обезжирено. «Обрат», если вспомнить деревню.

Как живем

Переход от деревни к городу: культура поноса (от бактериальных инфекций и сырой во(е)ды) сменяется культурой запоров (от медицинского дисбактериоза и искусственных добавок), культура грыж (от тяжелой работы) – культурой геморроя (от тягостного сидения). Когда «удобства были во дворе», люди пользовались ими два-три раза в сутки. Как взрослые собаки. С появлением ватерклозетов стали ходить туда раз пять-шесть. Как малые дети. В богатых домах/квартирах туалетов теперь много – не на семью, а каждому, индивидуально. А как иначе? (еще у последнего русского царя на летней даче туалеты были в виде прорезанной дыры в доске) – думают их обитатели. Ну не рай ли, а мы все ноем. Шикарные, вплоть до полочек для одновременного (!) питья кофе. И на «свой» толчок бегают то и дело. Как старые утки. При социализме, когда общественные туалеты были бесплатными и грязными, их посещали надо и не

надо. «Для чего папа, заходить, для профилактики, да?» – спрашивал меня мой маленький сын. «На всякий случай», – строго говорил я. При капитализме, когда они стали чистые, но за деньги, когда под девизом «клиент всегда прав» в них начали исполнять классическую музыку (под кого вы желаете, под Шопена или Чайковского), желающих стало много меньше. «Не хочется». Вот какие умные у нас организмы, даже мочевого пузыря считать умеет. И понимает, в отличие от основной массы своих голов, как надо себя вести. А в гуманитарных науках все темнят: «мы не знаем общества, в котором живем». Мочевой пузырь и то(т) знает. Ученым и политикам: слушайте пузырь, и вам откроется Истина.

Современные культурные люди: в сравнении с прошлыми и необразованными они чистые снаружи и грязные внутри. Не потеют, не плачут, перестали плевать, не пользуются платками. «Сопляк» было когда-то возрастной категорией. Синонимом подростка. Как моложе – молокосос. Когда в деревне молодежь постарше не хотели нас куда-то брать, говорили: «обойдемся без сопливых». Лет до 12. Теперь сопливых нет, бактериальный мир в основном побежден. Его заменили вирусы. А воспаления спасаются в еще недоступных для мазей и спреев местах. В «простате». До нее добраться трудно. Это их последний бастион. Оставшиеся от побежденных инфекций бактерии возвращаются в организм в целом. Потом приходится лечить гаймориты, аллергии, почки. И простатит. Зато моемся каждый день (судя по американским фильмам, они вообще живут в душе), упорно вымывая из кожи и волос оставшиеся элементы жизни. Потом, применяя изощренную косметику, их опять как-то вносят. Гламурны-е. Ё!

* * *

В век развития химии борьба с запахом жизни завершается полной победой культуры. В Японии сейчас культ чистоты, чистого дома и улиц, когда кажется, что единственным мусором в/на н(ем)их является сам человек. Культ чистого тела, ибо там, вопреки туристскому взгляду, дальше всех продвинулись в подавлении природы. Но иногда людей охватывает тоска по естеству, и они прибегают к его имитации: изготавливают духи под запах разгоряченного тела, трудового пота и т. п. Скоро на улицах специально будут разбрасывать мусор. А в центре города время от времени выпускать побегать собаку. Чтобы немного очеловечить. Но для безопасности под непрерывным наблюдением, кастрированную, очипованную и только потом – таких же людей. Сначала преступников, потом – вообще – по программе «безопасный город».

Далеко простирает химия руки свои в дела человеческие, говорил Д.И. Менделеев. Когда-то посуду мыли горчицей, а полы с песком. Потом стали содой и мылом – первоначальная химия. Потом изобрели намного более эффективные средства, но они были ядовиты, раздражали кожу и сильно пахли. Их надо было опасаться, осторожничать, тщательно избавляться от следов контакта с этим веществом. И только современная химия стала благоприятной к человеку. Ласковой и заботливой. Стиральный порошок отдает лимоном, а чистящие пасты земляничкой и яблоками. Так вкусно пахнут, что того гляди захочется съесть. Или воспользоваться как косметикой. Натерся стиральным порошком – и в гости. Намазался «Фейри» – на бал. Тщательно смывать

с посуды все эти приятно пахнущие вещества кажется излишним. Так, по минимуму. Даже дихлофос перестал вонять. Не то чтобы «и вдоль не мог надыхаться», но падающие мухи вызывают удивление. С чего бы это?

Весьма древний фактор культуры в борьбе с природой – духи и дезодоранты. **Здоровое тело хорошо пахнет**, оно нормально пахнет. Запах – его естественное продолжение, воздушная оболочка. Но цивилизация выводит запах за рамки приличия, **преследует его**. Духи – набедренная повязка человеческого запаха, его одежда. Теперь настолько хорошо одеваются, что появились ароматизированные презервативы. Цветные и чтобы красивые. Мода на них, и чтобы от лучших фирм. Смотрят на бренд. Да на то ли смотреть-то надо! Это выражение полного, абсолютного отчуждения человека от своей природы. И его полного социального оглушения. «Потр(д)ебилизации». (Совсем с-бренд-или!) Уверен, обо что и чем угодно готов биться, что они провоцируют, порождают импотенцию. И нужны они импотентам, явным или будущим.

Критики твердят, что наша цивилизация бездуховна. Неправда. Пахнет. Царица Клеопатра задохнулась бы от зависти, сравнивая ее бытовые освежители со своими притираниями для лица. Правда, в других местах, «на свежем воздухе» дела обстоят не столь благоприятно – гарь, вонь. Никак не начнут забивать ее на улицах. Так, кое-где, в ресторанах, магазинах и появились машины, «окутанные запахом ванили». Но тут препятствие. Не всем, видите ли, нравится, боятся аллергии, астмы. Не понимают, что химия опять придет на помощь – глубокая диагностика, полное подавление иммунитета, мощное усиление иммунитета, модулирование иммунитета и прочая игра на организме. Заигрываемся. «Дауны» прогресса. Задушенные комфортом, занюханые удобствами.

* * *

В подсознание – основную творческую лабораторию человека – попадает только то, что прошло через чувства. Через чувства проходит прежде всего живое, непосредственное воздействие другого человека, природы, мира. Информационное воздействие затрагивает только мышление, «кору». От хоккея по телевизору остается легкий поверхностный след, который, как от самолета, быстро рассеивается с новыми впечатлениями, смешивается с ними. Хоккей на стадионе, даже наблюдение, а тем более собственную игру, особенно когда избили, помнит все тело, весь человек. Она остается в нас. И так – любые события. По телевидению и компьютеру мы были везде, в любых городах и музеях, в Антарктиде и пустынях, на всей планете. И слышали обо всем. Но что это дает? Общее впечатление без переживания. «Мы многое из книжек узнаем, а истины передают изустно» – пел В. Высоцкий. Теперь вот все узнаем из компьютера, в основном ложь. Чтобы не передавать устных истин, минимизируют живое преподавание. Дистанционное образование, которое тут же забывается, когда «сходят с дистанции». Многие удовлетворяются жизнью без и(е)стины – живут как наблюдатели, **рядом с бытием**. Некоторые уже и не нуждаются в переживании – роботообразные, другие, напротив, прибегают к искусственной имитации переживания – наркообразные. Принцип дополнительности.

Коммуникация или жизнь?

Почему люди все время недовольны телевидением, этим величайшим даром цивилизации? Потому что **это дар данайцев**. В нас бунтует подавленная, не находящая реализации часть нашего живого существа. Даже в новогоднюю ночь, как невольники на галерах, мы прикованы к ящикам – телеэкранам и компьютерам. Сами не способные ни петь, ни плясать, ни кричать, ни смеяться, ни флиртовать, ни любить, ни касаться или играть и разыгрывать друг друга – фактически не общаемся, а только смотрим, смотрим, в промежутках немного пьем и жуем, жуем, жуем. Коровы! Изредка перекидываются критическими замечаниями по поводу того или иного номера. А после общее чувство раздражения в оценках передач – неинтересные, скучные, ужасные. Даже если они были очень интересными – тогда говорят, что это за счет пошлости, вздора и порнографии. Спроси брюзгу, какие передачи, какого рожна ему еще надо – толком не знает. Пусть они будут сплошь смешными, наблюдать чужой смех с собственной кривой улыбкой как отдаленным откликом на него все равно скоро надоедает. У ног телезрителя весь мир, а он недоволен. Его развлекает вся планета на ста пятидесяти+ каналах, а он раздражается. «Смотреть нечего», «Одни и те же рожи», «Все надоели». Да ты не смотри все каналы и целыми днями. Не может. Есть прекрасные передачи, классическая культура, но она не воспринимается в контексте уг(д)арного господства пошлости. Которая все забывает.

Тут по Фрейдю: **живые люди недовольны своей полужизнью** и переносят это раздражение на объект. Наблюдателю, в отличие от участника, деятеля, в конце концов, всегда скучно. Деятель, работник устает, а не скучает. Скучают праздные, посторонние. При телевизоре мы все – «Посторонние». А. Камю это предвидел. Е. Евтушенко в свое время написал хорошие строчки, мечтая о будущем, когда

Телевизор понесут
под колокола
на всемирный страшный суд
за его дела.

Телевидение, экраны – символ всей современной аудиовизуальной культуры. Виртуального (не)бытия. И дело, повторимся, не в том, что дают плохие передачи. Или вредные. Когда интересные и даже познавательные – еще хуже. Гибельная суть этой новой «культуры», что она лишает человека его собственного предметного мира, унося туда, где он существует только как фантом. И есть уже телевидеооманы, (не)жители сетей, которые забыли о естественных потребностях живого активного существа, чувствуя себя вполне хорошо без них. Умерли – и довольны. Хакеры в квартирах как «клетках для орхидей». Впереди – интернет-наркомания, которую называют пока «пребыванием в виртуальной реальности». Это будет наркомания как образ жизни – мы ее не заметим.

* * *

Парадокс существования в Интернете. Он связывает дальних и разделяет ближних. Благодаря анонимности каждый человек может

высказать все, что хочет, не боясь осуждения других. Это значит – наиболее полная его реализация. Появляется много оригинальных, острых и неожиданных мыслей. Максимум бытия, по крайней мере, «в сознании». Но он аноним, то есть безымянный. Мистер Икс, в виде мысли. Концепт, аватар. Для мира *этого* человека в его специфически собственном качестве – нет. Есть некто, почти никто. Даже указав фамилию, он может не краснеть, его стыд будет абстрактным, другие все равно не увидят. Это значит – минимум бытия, отчуждение (от) социальности. В «текст», в «письмо», в «виртуал». В (не)бытие Иного.

Техника соединяет людей информационно (мысленно) и разъединяет телесно (жизненно).

Человек мобильный. С мобильником. Который сначала был игрушкой, подсобным телефоном, а теперь стал смартфоном, то есть мини-компьютером. С человеком. На человеке. Но вот-вот будет «человек на компьютере». Который его отслеживает и им управляет. Читаю в интернете: «Вы не можете приобрести дорогую шубу, если в/на ней нет чипа». Спрашивается: почему только шубу? А трусы. Вы не можете надеть трусы, если на/в них нет чипа. А как иначе, ведь там главный вычислительный центр. И вот, наконец, Билл Гейтс запатентовал человеческое тело как элемент беспроводной связи, объявив его «объектом интеллектуальной собственности». И получил лицензию № 6 754 472. А я не лицензированный. Имею ли теперь право на существование? Буду продолжать писать против прогресса – объявят контрафактной продукцией. А засекать будут заранее: по программе «прозрачный мозг» так называемые превентивные детективы (в списке профессий XXI века такие уже есть) будут отслеживать людей, наводя на их мозг (как гаишники на машину) особые устройства, дабы узнать, кто против чего возбужден, особенно кто против прогресса. А потом стирать у них эти «отрицательные мысли». Любые. Так хвастаются достижениями переднего края науки. «В Сколкове», мол, будут разрабатывать.

Все подобные прелести цифрового мира-концлагеря так ужасны, что я уже завидую идиотам, их подавляющей массе, которые смотрят на все это широко закрытыми глазами и не возражают. Воспринимают как должное! Что они готовы глупеть и их стремление к комфорту дошло до ума. Умные удобства привели к удобствам ума. К удобному уму! Значит, тупому, а не острому. Пора ввести новое понятие: комфортный ум. На нем хорошо сидеть. Стоять на голове? Уже нет. Думать головой? Не обязательно. Сидеть на голове и, конвергируя, думать... вставленным под кожу «дружественным компьютером», слиться с ним в информационно-комму(ника)тационных объятиях, перейти от коммуникации к коммутации, чтобы даже не через экран, а прямо по программе нейроинтерфейса, «от чипа к мозгу», – вот настоящее приобретение мобильного потребительского общества.

Долго сопротивлялся этой дружественности. Отсталый человек. Вместо того, чтобы получать как можно больше информации, все пытался рассуждать. Сам. Между тем как чувствовать и размышлять – это такая же кустарщина, как работать руками, считать и ходить пешком. Техника избавляет нас от того и другого. После первого избавления говорят: он гвоздя забить не может. После второго: он до ста не сосчитает. После третьего придется сказать: он двух слов не свяжет. Но, слава Технике, благодаря этому процессу деградации – преуспевает. **Деградации в новое!** Впереди – американцы, тупость которых стала уже опасной. У нас реформа образования еще не закончилась.

Ирония прогресса. Цель: выше, сильнее, умнее. Результат: ниже, слабее, глупее. Но опять, слава Ей, знать об этом результате человечество не будет. Будет нечем. Антропология заме(стя)щается технологиями. Нас ждет светлое будущее (неприменно с чтением мыслей и стиранием памяти), восторженно галдят инновационисты, память которых действительно стерта. В общем, что происходит на Земле, если говорить «по большому счету?». Эволюция живого уступает место эволюции техники. Жизнь де(э)волюционирует. Я, как представитель жизни, удручен. Боялись, предлагают бояться, что прилетят инопланетяне и нападут на нас. А они делаются из нас. Потому и крик. Тех, кто слышит эту поступь смерти. Беспольный. **Они пришли.**

По телевидению, в рамках некоего «русского проекта» призывают: «Позвоните родителям». Благородно, даже умилительно, если только забыть историю. А если помнить, то уже грустно. В традиционных обществах дети жили вместе с родителями. Обычай требовал их уважать, в старости кормить и почитать. В Новое время дети начинают жить отдельно. Моральным требованием было: «родителей надо навещать». Прошло время и в XX веке молодежь стали наставлять: «Пишите родителям». И вот, наконец, теперь: позвоните. Я жду последнего благородного призыва: «вспомните о родителях». Что они у вас где-то были. А может, еще и есть?

В программах передач ТВ начали писать: «17.40 – выступление ансамбля “живой музыки”». И так, есть музыка живая и мертвая – техническая. О чем и предупреждают. О живой, ибо она становится «на любителя». Остальная обрабатывается в специфической тональности. Звук получается идеально чистый, но странный, холодный. Хотя постепенно к нему привыкают. **Через несколько лет мы не сможем услышать человеческого голоса.** И никто этому не будет удивляться. Но главное в другом: недалеко время, когда придется предупреждать, что выступают «живые люди». Все больше появляется образов компьютерно-сконструированных, мультипликационно-графических. В Европе недавно вошел в моду какой-то рок-певец, но поклонники с ним встретиться не смогли. Оказалось, что он «рисованный». И потому в ближайшей перспективе придется объявлять, что «выступают люди». **Просто люди. На любителя.** Так как кругом будут машины и информационная техника. Они будут петь, плясать, говорить, но иногда – показывать и людей. Мы не заметим, когда нас будут «показывать». А потом – не будут.

«Осязаемая» форма жизни сужается как шагреневая кожа. На котором-то Давосе даже банкиры жаловались, что практика виртуальных платежей делает ненужными их банки как учреждения. Но все равно, мол, надо готовиться к наступающему новому миру. Думаю, что если дело пойдет к тому, что наука предложит заменить всю предметную реальность, включая людей, какими-то электронными полями, то люди скажут, что надо готовиться к наступающему новому миру, ни на миг не задумавшись что-либо предпринять вопреки этим тенденциям. Чтобы не прослыть консерватором. Это неудивительно, ведь сейчас быть атехнистом – то же самое как атеистом в Средние века. Правда, еще не сжигают. Пока.

Жизнедеятельность перед экранами телевизоров и на экранах компьютеров становится деятельностью. Без жизни. А потом и без-деятельностью. Со-зерцанием. При-сутствием. Если жизнью, то в «блогах».

(Не)жизнью в «живых журналах». (Не)бытием внутри комп/теле/ящика. От-сутствием. Что вне его/их, людей интересует все меньше. Таких – все больше. Некоторых предметный мир и близкие не интересуют вовсе. Все их сознание, по-старому, душа – «Там». Отлетела. **Человечество сыграло в ящик.**

* * *

Говорят: «искусство кино». Киноискусство. Но все это инерция. На экранах господствуют американские фильмы. Киноиндустрия. **Кинотехника.** И не случайно, даже расхваливая их, критики прежде всего подчеркивают качество изображения, чистоту звука, яркость пленки и грандиозность спецэффектов. А высший эпитет – дороговизна постановки. Денежно-технологическое сознание ничего другого не воспринимает. Эстетическая ценность таких фильмов – стрелялок и взрывалок – для мальчишек-подростков, потом они от него уходили, из него вырастали. Теперь к этому уровню все приходят, до него (п)р(о)грессируют. «Для нас важнейшим из искусств является кино» – таков был лозунг социализма. Его наследники, оппонировавшие буржуазной культуре, критики, ругают нынешнее кино как «плохое искусство». Да не искусство это вовсе. (Не)обыкновенная техника, но только в кино. Спецэффекты. Так же музыка – «техномызыка». Стала звукотехникой. Так же живопись. Стала техно(фото)графией. Как всегда, самых главных потерь люди не замечают. В условиях трансмодерна культура остается в виде цитат и пережитков. Как традиция. Подобно личности. Вот потеря!

Рекламируют соревнования по шейпингу. Это что-то вроде конкурсов красоты, но гимнастические упражнения, долженствующие сформировать гармоничную женскую фигуру, исполняются по программе компьютера. Самое интересное, однако, в другом: результаты определяет тоже компьютер. «Кто на свете всех милее, всех румяней и белее» решает наше новое волшебное зеркальце – техника, оставляющая человека в роли постороннего даже в таком вопросе. Что же говорить о прочем!

Например, о душе. Благодушные люди говорят, что компьютер никогда не заменит душу человека. Правильно. Он ее не заменяет. Он ее – отменяет. Овладевая жизнью, техника овладевает и сознанием. Даже когда обед или продавец хочет пойти в туалет, вешают объявление: «технологический перерыв». Конечно, машина притомилась и надо слить воду. Возникло **техническое бессознательное.**

Молодые родители говорят, что главное, о чем говорят их маленькие дети, придя из школы – безопасность. О безопасности. Удивляются. Да это просто подготовка к тому, что вам предложат детей непрерывно контролировать, чтобы всегда знать, где они. Естественно, ради безопасности. А запуганные дети и родители, с минимальными сомнениями, в основном удовлетворенные, согласятся. Всем поставят чипы, как теперь собакам. Но эти чипы будут более «совершенные», чтобы можно было ими, и вообще людьми, управлять. Отслеживать и анализировать кто, что, где и как делает. На работе «белых воротничков» так уже проверяют. Хозяин теперь всегда может знать, чем подчиненный занимался в рабочее время, на что была направлена его активность. Это будет перенесено на все сферы жизни. «Большой брат» должен знать, что делают его под-данные, люди. Это и есть Internet of everything, «интернет вещей», к которому так стремятся прогрессисты. Вот где собака зарыта в истерии с безопасностью. А «свобода», «самость», «совесть», «субъектность», «творчество» – забудьте о них.

До XX века в европейской культуре обычно считалось, что Алгебра не совместима с Гармонией. Алгебра сухая рациональность, а Гармония – живой дух. Сальери и Моцарт. Теория и Жизнь. Логика и Интуиция. Однако теперь мы вступили в мир, где интуиция из чувственной превратилась в интеллектуальную, жизнь вытесняется информацией о ней, а Моцарт сел за пульт музыкального автомата. Стал Сальери. Больше нет Моцартов. К концу *нашего* века не будет и Сальери.

Гармония стала геометрической. Дизайн! Нам нравятся функциональные обводы автомобиля, строгая симметрия высотных зданий, хищные линии сверхзвукового истребителя. Появляются «страсти по технике», люди, влюбленные в машину, хакеры. Можно сказать, что возникает «технический эрос». **Техноэрос.** Если на технику не надеть эстетического намордника, она перекусает всех, говорил В. Маяковский. Надели. Дизайн – ее эстетический намордник. Теперь она «мягкая» – душит и давит. Разговоров о гармонии природы и с природой больше не слышно. Это XIX век. Более того, природа стала какой-то ущербной, неуклюжей, а в городах прямо болезненной. Концентрирует в себе яды и несет вред. Ее еще терпят. И все славят. Но скоро она будет вызывать раздражение. Аллергию в буквальном и переносном смысле слова. Аллергию к себе. Многие от нее уже прячутся. От себя прячутся. Да так, что скоро никто никого не найдет.

Спасение там, где опасность

Деяние – начало бытия. Деяние будет и его концом. Вступление в технический универсум деятельности поставило перед человечеством проблему – удержаться от безудержной деятельности. Считаться с ее мерой. Из-мерять и дозировать. Направлять и регулировать. «Ликвидатор» – такова будет самая нужная профессия XXI века.

Знаменитую фразу М. Хайдеггера «Наука не мыслит» нужно интерпретировать. Получается, что ее носители – «дураки». Это не правда. Ученые мыслят, часто тонко, изощренно. Больше, чем кто-либо. Но «не размышляют». Не философствуют. Раньше это было не страшно, да и размышляли больше, особенно великие – сравни Эйнштейн, Бор, Вернадский. Теперь такое без(с)мыслие опасно. Через него/них говорит Иное. Ученые мыслят, но, особенно теперь, – **не в своем уме.** Мыслящие зомби. Появился новый тип человека – «инноваторы». Инноватор – смотрит далеко, не дальше своего носа. Мыслит глубоко, на глубину своей могилы. Хочет как можно скорее перестать быть человеком. Болтает о бессмертии. *Прогрессивно(е,) глупеющее, слепое, несчастное человечество. Счастливо только непониманием того, что делает=ся.*
Техноиды.

Всякий мыслящий человек, глядя на современные тенденции развития, должен быть пессимистом. Но он живет. Значит, живет или механически, или надеется. На что: «мы не доживем до этого, до полной деградации». Это называется «оптимизм». Но есть и настоящий оптимизм, без кавычек. Каков его механизм?

Техноиды-мутанты не переживают свою дегуманизацию как утрату, тем более она не приводит их в отчаяние. Никакая при-страстная критика антропологического кризиса ничего не дает также и потому, что хотя бы все летело в тартарары, **придумывается всеобщая великая иллюзия**. Такая как **ноосфера**. Ноосфера как реальность – техносфера, которая губит и уничтожает все живое. Ее «продукт» – зомби/зация, постчеловек, роботообразное, робот. Инопланетянин. Инопланетяне не прилетят на Землю, а возникнут на ней. Этот процесс и воспеваем, на него и уповаем. Радоваться своей гибели – самая эффективная форма защитного механизма. Легче всего обману поддается безнадежно больной. Чем хуже положение, тем сильнее вера в спасение. Пока живем – надемся. **У нас нет выхода, кроме как быть оптимистами.**

Научно-техническая деятельность стала самоценной. Творчество ученых – игрой, в которой человечество проигрывает самое себя. Что делать? Да пусть играют. Надо и относиться к их занятиям как к игре. Надо культивировать науку без воплощения. Новации без инноваций. Как искусство. Тем более, что они и так сливаются. Пусть будет «игра в бисер», mind games, как говорят англичане. Поскольку «мысль не остановишь», общество вполне может платить ученым как художникам, музыкантам, другим деятелям культуры, откупаясь от них. Пусть развивается «наука для науки», проводятся выставки и конкурсы теоретических новаций, без их применения на практике. Как актуальное искусство, фактически являющееся игрой ума, прикладной наукой. Они и так сливаются друг с другом.

Последним критерием ценности новых идей в физике объявлена не истина или польза, а «интересность». Главное, как теперь говорят ее передовые представители, чтобы они были любопытны и «раздражали мысль». Согласимся, но тогда адронный коллайдер надо рассматривать как произведение «научного искусства». Атомные бомбы, если их удастся не использовать – тоже. Любители прекрасного со всего мира будут посещать коллайдер и ходить на выставки атомных бомб, сравнивая их американский и русский дизайн (в Сарове, в музейной форме, я такие видел; они эстетичны). В ответ на эту новую парадигму познания философ обязан сказать: *главное, чтобы изобретения были бесполезны*. Не уничтожив себя ради истины и пользы, люди тем более не должны допустить этого акта из любопытства.

И пока любопытно-печальное Событие не произошло, надо думать и заботиться, при каких условиях, какие предпринять действия, чтобы оно *не происходило как можно дольше!* Не торопиться к рукотворному концу света, антропологическому апокалипсису, не камуфлировать бессмысленно учеными словами свое самоубийство, что оскорбительно для существ, веками считавших себя разумными. Значит, необходимо обуздывать фанатиков любого нового. На фронте каждого технопарка золотыми буквами должна быть выбита надпись: **не все, что технически возможно, следует осуществлять**. Главным социальным институтом в/при/ них должны быть гуманитарные центры как фильтры контроля внедрения новаций. **Фильтры выживания**. Чтобы решения принимались не по финансово-бухгалтерским соображениям прибыли, а просчитывая их последствия всесторонне и максимально далеко. Прикладные технические работы должны быть подчинены теоретическому и философскому, шире – гражданскому, еще шире – Высшему контролю. Let us be Human – призывал Л. Витгенштейн в конце своей деятельности, сам сделавший немало для обоснования сциентизма в ее начале. **Остановить истерию инноваций!**

Искусственное вытесняет естественное. Либо путем прямого уничтожения, либо путем имитации. Химия, биотехнология, синтетические вещи, продукты, организмы. Цветы и то все больше искусственные – «китайские». Имитируется вся природа, даже жизнь. Как спастись и хотя бы продлиться «естественному человеку»? Надо идти до конца, имитируя полный кругооборот природы, весь цикл жизни, составной частью которого является смерть. **Нужна искусственная смерть. А вводить ее надо под лозунгом: Смерть искусственному!**

Оно тоже должно уничтожаться. «Умирать». Надо развертывать деятельность по ликвидации результатов деятельности. Доведенная до своего логического конца идея безотходного производства предполагает ликвидацию всего, что сделано. Замкнутый технологический цикл должен распространяться на искусственную среду в целом. Тогда вторичное сырье станет первичным, а природа будет только для подпитки. Имитируя созидательное творчество, которое все больше становится разрушительным, надо имитировать и творчество разрушения, которое будет для нас спасительным. В Нью-Йорке пускают под бульдозер 10-этажные дома, в Москве 5-этажные, чтобы на их месте построить более комфортабельные или даже небоскребы. Современные технологии устаревают через 3–5 лет. Целесообразно сразу закрывать эти производства и на их месте строить новые. Можно сносить целые города. Главное, чтобы новое строить на старом месте; не выбрасывать песок из песочницы, чтобы не приходилось его слишком много добавлять. Ведь взять-то уже негде. Поскольку, например, головная боль автомобилестроения не в том, чтобы произвести автомобили, а в том, чтобы их сбывать и ликвидировать, то при заводах по производству надо сразу же строить заводы по уничтожению (кажется, начали). Также поступать с телевизорами, компьютерами и всей бытовой техникой. И не только бытовой. Все!

Надо брать пример с военных, где эти безумные игры ведутся наиболее продуктивно. Создаются производства уничтожения средств уничтожения. Разоружаются, чтобы вооружиться более эффективным оружием. «Нового поколения». Но зато в разоружении тоже заняты миллионы людей и затрачиваются миллиардные средства. Таких забот хватит на долгие годы. Перед человечеством открываются вдохновляющие перспективы – новое грандиозное поле деятельности по переработке сделанного. Сумасшествие погашается абсурдом. Хотя бы на время. Решается самая главная проблема – быть занятыми и ослабить удушающую хватку избыточных средств и богатства, которую они набрасывают на жизнь и любовь. Производство приобретает внутреннюю цель и собственное дыхание. Пока оно дышит, передохнем (если не передохнем) и мы.

Жизнь ранена, и все-таки продолжается. Как Традиция. Традиционализм становится условием выживания как культуры, так и природы. Но кто осмелится поднять знамя реакции? Немногие. И что принесет она? Хаос. Реально надо бороться за динамический консерватизм, козволюцию совместного бытия естественного и искусственного. За устойчивость общества, когда изменяясь, оно остается собой. За *Controlled Development* (управляемое развитие). **«Учиться Со-Бытию».**